

Владимир Михановский

Приключения на Алард

Владимир Наумович Михановский
Приключения на Аларди

OCR Xac

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143200

Тайна одной лаборатории. Сб. рассказов: Прапор; Харьков; 1964

Содержание

* * *	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Михановский

Приключения на Аларди

* * *

После семи долгих лет ракетного времени фотонный звездолёт «Каравелла» вошёл в зону Проксимы – цели своего полёта.

Первым из тревожных признаков были назойливые радиосигналы неизвестного происхождения. Они лились непрерывно, усиливаясь по мере приближения к загадочной звезде. Кир, специалист по дешифровке, сумел уловить в потоке импульсов определённые закономерности, но разобраться в них до конца ему никак не удавалось.

– Дыхание протуберанцев? – вслух подумал штурман. Сощурился, он всматривался в серую поверхность пультового экрана, по которой, весело подскакивая, бежали острые пики.

Капитан, стоявший сзади, молча покачал головой. В зеркальце штурман увидел, что брови капитана нахмурены. Из рупора доносились разнообразные шорохи и визг.

– Это, наверно, последнее, что он слышал, – сказал капитан. – Не могу... – Протянув руку, он отключил рупор. В отсеке царила тишина.

– Через несколько часов можно включать торможение, – проговорил штурман. – Локаторы нащупали Аларди.

– Хорошо. Займись этим, Алексей, а я проверю аннигилятор.

Дверь штурманского отсека бесшумно захлопнулась за капитаном.

Два человека и двенадцать роботов – весь экипаж «Каравеллы» – собрался перед огромным вогнутым овалом Головного экрана. Из глубины его, откуда-то слева, медленно выплывала красноватая, изрытая кратерами поверхность. Уже можно было различить остroверхие скалы, отбрасывавшие резкие фиолетовые тени. Кир включил усилитель, и поверхность Аларди приблизилась скачком, заполнив экран.

Капитан Голубничий умудрялся одновременно следить за курсом «Каравеллы»: корабль в соответствии с программой начинал выходить на эллиптическую орбиту, одним из фокусов которой служила планета. Планета, видимо, была лишена атмосферы, поэтому её удалённая поверхность была видна на экране «Каравеллы» весьма отчётливо.

Внезапно Кир, указав щупальцем на какую-то точку экрана, издал короткий предупредительный сигнал. От рябой изрытой поверхности планеты медленно отделялось маленькое белесое облачко... Оно росло на глазах. Оторвавшись наконец от поверхности, облачко двинулось наперерез «Каравелле».

Нужно было принимать решение.

– Необходимо избежать встречи, – отдал капитан стратегическую команду. Роботы тотчас бросились исполнять приказ каждый из них на свой участок. Для корректировки хода «Каравеллы» реакция человеческого восприятия была бы слишком замедленной.

Через несколько секунд капитан и штурман остались у пульта одни. Между тем облачко, вначале такое безобидное, росло подобно снежному кому. Вскоре властная сила вдавила капитана и штурмана в глубокие противоперегрузочные кресла. Это «Каравелла» сделала манёвр, пытаясь уклониться от встречи с неизвестным объектом. Поразительная вещь! Облако в тот же миг также изменило курс и продолжало стремительно мчаться навстречу кораблю.

«Похоже, что его кто-то корректирует с Аларди», – мелькнуло у штурмана. Расстояние между облаком и «Каравеллой» сокращалось с каждым мгновением. Сумасшедшие толчки

швыряли людей в разные стороны, так что ремни, привязывавшие их к креслам, едва не лопались. Но стало ясно, что все искусство Кира уже не поможет. Встреча была неизбежной.

– Закрой глаза! – успел крикнуть Голубничий.

Экран на пульте вспыхнул, подобно маленькому солнцу. В тот же миг страшный удар потряс корабль.

Штурман Алексей Николаевич Сибиряков очнулся от сверлящей боли в висках. Он открыл глаза, но вокруг царил полная темнота. Голову что-то сдавливало. Штурман пошевелился и застонал.

– Жив? – услышал он глуховатый голос капитана, и заботливая рука поправила на лбу Алексея влажную повязку.

– Что с «Каравеллой»? – ответил штурман вопросом на вопрос.

– Потеряла управление. Роботы занимаются проверкой внутренних систем.

– А... Сколько прошло? – спросил Алексей, делая попытку подняться.

– Полчаса.

– Темно, как в могиле, – слабым голосом проговорил штурман. – Неужели взрыв мог прервать люминесценцию?

К штурману мягко подкатился Кир. Он осторожно обвил плечи Алексея чутким щупальцем.

– Включи хотя бы лучевик, Пётр, – попросил штурман.

Капитан глянул на стены отсека, с которых лился яркий дневной свет люминофоров, и до крови прикусил губу.

– Лёша, ты потерял зрение... – тихо сказал он и подошёл к другу.

В открытый люк лихо влетел Энквен.

– Системы проверены, – доложил он капитану, – можно приступать к наружному осмотру «Каравеллы».

За то время, которое штурман лежал без сознания, экипаж «Каравеллы» сумел убедиться в самом страшном: ракета потеряла не только управление, но и глаза – телесистема корабля вышла из строя. Неизвестно было даже, где сейчас находится ракета. Может быть, она медленно падает на Аларди? А может, отброшенный взорвавшимся облаком беспомощный корабль летит по бесконечной гиперболе, превратившись в маленькое космическое тело? И сколько протянется состояние полной неизвестности? Каждую минуту можно было ожидать катастрофы. То ли астероид пробьёт магнитную защиту и врежется в стальную грудь ракеты (на подступах к Аларди локаторы «Каравеллы» зафиксировали несметное количество астероидов), – и тогда мгновенная вспышка отметит место гибели звездолёта. То ли сам корабль, как слепой щенок, ткнётся в неприветливую поверхность первого встречного небесного тела.

Между тем выходные люки «Каравеллы» заклинилась, и, чтобы выйти наружу и произвести всё необходимое, роботам пришлось немало повозиться.

Капитан взял с собой Кира и Энквена.

Трое вошли в круглую герметическую кабину, Кир, вошедший последним, захлопнул за собой блестящий люк. Голубничий ловкими движениями облачился в космоскафандр, после чего Энквен включил вакуумное устройство. Давление воздуха в кабине резко пошло на убыль. Сразу выходить наружу было опасно; из-за слишком большого для человеческого организма перепада давлений.

Наконец трое вышли наружу. Перед капитаном раскрылась фантастическая картина. В густой, почти осязаемой тьме тускло светились серебристые бока «Каравеллы». Безжизненные дюзы – до них отсюда было добрых четыре километра – слабо вырисовывались своими плавными линиями. А внизу... У Голубничего захватило дух. Такого ему ещё не при-

ходилось видеть. Там, вдали, на страшной глубине, расстилалась огромная вогнутая чаша, вся она красновато светилась. Вогнутость, конечно, была лишь оптическим обманом – капитан знал, что такой всегда представляется выпуклая поверхность с большой высоты. Края гигантской чаши были окаймлены причудливыми фиолетовыми пиками.

– Это Аларди – планета системы Центавра, – уверенно сообщил Кир, закончив астрономические измерения.

С трудом оторвавшись от грандиозного зрелища, капитан велел приступать к осмотру.

«...Давняя моя мечта! Наконец-то ты сбылась. Вот она, Аларди, рукой подать. В каких-то пяти тысячах километров подо мной расстилается её таинственная почва. Ну, что ж. Здравствуй, Аларди! Однако неприветлива ты к гостям. Или это в твоём обычае – так встречать пришельцев? Но погоди, мы вырвем твои тайны!»

Времени немного, поэтому постараюсь зафиксировать главное. С момента катастрофы прошло уже шесть часов, или четверть суток, в милых земных единицах. Восстановление жизненных систем корабля, повреждённых взрывом, завершается. Работами теперь руководит старший механик. О ходе работ он докладывает мне по радио каждый час. Сейчас я сижу рядом с Алексеем. Состояние его не улучшилось. По всей вероятности, это не шок зрительного нерва, а что-то гораздо хуже. Боюсь, что глаза Алексея поразило неизвестное излучение, возникшее при вспышке экрана.

Вспоминаю случай с молодым кибером Рагозиным. Я вёл тогда „Норт“. Мы высадились на новую планету, и Василия Рагозина единственного из экспедиции – поразило тогда неизвестное биоизлучение. Наш общий любимец Василий ослеп. По возвращении мы доставили его в межпланетную клинику академика Иро Мичи. Василия тогда вылечили, он стал видеть по-прежнему. Но можно ли провести аналогию между этими двумя случаями? И потом, как узнать, в чём состоял метод Иро Мичи?»

Голубничий выключил фиксатор, задумался.

– Ты здесь, капитан? – послышался голос Сибирякова.

– Я рядом, Алёша.

– Сидишь тихо, – я думал, ушёл. Напиться бы...

Быстро перебирая руками гибкий трос, капитан переместился к противоположной стене и, раскрыв маленькие дверцы, вынул оттуда прозрачную грушу из синтетика, наполненную водой. Вернувшись, он подал грушу штурману, и тот с жадностью выпил её почти всю, постепенно выдавливая. Несколько капель пролилось, – соединившись в один сверкающий шарик, они образовали ещё одно невесомое тело, которое медленно поплыло в пространстве отсека.

Невесомость на корабле наступила в тот самый момент, когда двигатели «Каравеллы» смолкли, и она превратилась в искусственный спутник планеты Аларди.

Капитан нелепо висел в воздухе, но ему было покойно и удобно. Вообще в состоянии невесомости любая поза казалась естественной, так как понятия «верх» и «низ», «пол» и «потолок» утрачивали всякий смысл. Голубничий снова включил фиксатор мыслей, и биотоки его головного мозга опять стали послушно преобразовываться в магнитные колебания, которые записывались на запоминающую ленту.

«Уже поставлен на место смещённый взрывом главный параболический отражатель „Каравеллы“. Скоро вновь увидят окружающий мир глаза корабля... – но, увы, не глаза Алексея...»

Пётр бросил взгляд на штурмана. Тот прикрыл глаза и, казалось, задремал.

«Позавчера на ракете-спутнике отправил на поверхность Аларди Кира и Энквена. Прошло уже сорок восемь часов – их нет. А я велел роботам возвратиться через двадцать четыре

часа, причём радировать каждый час обо всём происходящем. Однако всего поступило лишь три радиограммы. Вот они.

Первая. Благополучно достигли поверхности. Почва покрыта оранжевой пылью. Толщина слоя достигает метра. Под пылью прощупывается твёрдая скальная поверхность. Берём курс на скалы – до них примерно тридцать пять километров. Результаты оперативного анализа горных пород сообщим позже.

Вторая радиограмма, полученная ровно час спустя. Достигли горной складки. Скалы состоят из трех видов пород. Первая группа – массивные, сглаженных очертаний базальты, вероятно, вулканического происхождения. Цвет серо-чёрный. Вторая группа – круглые конусообразные холмы, безукоризненной геометрической формы. Их состав и структуру определить пока не удалось. Для рентгеновских лучей вещество, из которого состоят эти холмы, почти непроницаемо. Во всяком случае, среди пород Земли и других планет Солнечной системы нет хотя бы приблизительного аналога веществу, из которого составлены круглые холмы. Наконец, всю груды скал окаймляют чрезвычайно острые и высокие пики. Состоят они из аллотропного видоизменения углерода, известного на Земле под названием алмаза. Продолжаем движение в глубь алмазной гряды.

Третья радиограмма состояла из отрывочных фраз, которые мы с Алексеем не смогли расшифровать до конца. Это были, вероятно, быстрый обмен мыслями и координация действий Кира и Энkvена перед лицом внезапно возникшей опасности. Привожу текст.

„...За мной... Слева опасность! Не стреляй – возможна детонация. Антивещество... Помоги!..“

В этом месте сигналы оборвались и больше уже не возобновлялись...»

Капитан снял клеммы и спрятал в нагрудный карман фиксатор-дневник, как он его называл. Приглушённо пробили часы (бой хронометра люди включили для того, чтобы тишина на «Каравелле» не была такой гнетущей). Тихий звук разбудил Алексея.

– Ну, что? – быстро спросил он.

– Пока ничего нет, – ответил Голубничий, приближаясь к штурману. Тот сидел в кресле, напряжённо выпрямившись. Незрячие глаза Алексея были широко раскрыты, руки крепко сжимали упругие подлокотники.

Пётр положил руку на плечо друга.

– Полегчало? – спросил он. Накануне Алексею пришлось принять двойную дозу электросна, потому что после роковой вспышки ему ни разу не удалось уснуть: голову сверлила пронзительная боль.

Вместо ответа штурман покачал головой.

– Может быть, ещё электросон?... – начал Пётр.

– Послушай, – перебил штурман, – давай всё-таки попробуем. Я настаиваю.

– Риск...

– Риск! Как будто мы, астронавты, и так не рискуем ежечасно! Я должен, понимаешь, должен увидеть Аларди своими глазами. Это цель моей жизни.

– И потом, у нас нет точных данных об электрансе.

– Но ты же помнишь ту телепередачу из клиники Иро Мичи?

– Говорю тебе – в самых общих чертах.

– Пусть. Остальное рассчитаем с помощью Большого мозга «Каравеллы». Молчишь? – Алексей тяжело задышал. – Здесь, наконец, погиб мой сын, и я имею право рискнуть жизнью, чтобы своими глазами...

– Успокойся, Алёша. Могу ещё раз повторить то, что помню. Организм ослепшего в течение нескольких миллионных долей секунды подвергается сложно распределённому напряжению, которое достигает в наивысший момент сорока тысяч вольт. Ну, допустим,

расчёт поля я возьму на себя. Но вся суть в том, что все жизненно важные центры организма Иро Мичи блокировал введением какого-то биофактора. А какого именно – я не помню...

После нескольких минут тяжёлого молчания штурман спросил устало:

– Ты хорошо расшифровал радиogramмы? Кир и Энквен, – они не наткнулись там на... остатки ракеты Володи?

– Нет, в трех сообщениях нет. Но, наверно, в последующих...

* * *

Кроваво-красный карлик Проксима Центавра уже немало десятилетий приковывал к себе взоры жителей Земли. Много интересного и непонятного таила в себе эта звезда. Особое внимание привлекала Аларди – таинственная планета системы Проксима. Много важного для землян ожидали учёные встретить на этой планете. Но, пожалуй, наибольшую ценность представляли предполагаемые залежи компактного антивещества, столь необходимого для трансгалактических экспедиций, которые уже планировались Высшим координационным советом Земли.

Недостатка в добровольцах, желающих лететь на Аларди, не было. Со всех концов Солнечной системы в Совет Земли поступали письма, авторы которых просили разрешить им участвовать в полёте.

К этому времени Зелёный городок – крупнейший центр по созданию кибернетических роботов – закончил обучение новой группы роботов, неизмеримо более совершенных по сравнению с работавшими до сих пор. После долгих тренировок и проверочных вылетов, производимых с этой новой группой, институт, готовивший экспедицию на Аларди, пришёл к выводу, что из роботов можно составить экипаж звездолёта; но для этого во главе надо поставить капитана – человека, который мужество и отвагу соединяет с хладнокровием, а также быстротой и трезвостью оценок. Необходимо было, чтобы капитан обладал глубокими познаниями в космогонии и физике. Главное же – капитан должен быть коротко знаком с роботами с самого момента их создания, а для этого – с самого начала участвовать в процессе обучения роботов.

После долгих раздумий Совет остановил выбор на Владимире Сибирякове, молодом киберинженере Зелёного городка. Его отец, профессор Алексей Сибиряков, возглавлявший одну из секций Зелёного городка, горячо поддержал рекомендацию. Нечего и говорить, как счастлив был Владимир: то, о чём он только мечтал, вдруг осуществилось. Владимир за полтора года сумел окончить марсианскую Школу звёздных капитанов. К этому времени завершилась постройка прямого ионалета «Всплеск», предназначенного для полёта на Аларди.

Наконец «Всплеск» стартовал с лунного космодрома, взяв курс на Проксиму.

Это был первый полёт на корабле, весь экипаж которого, исключая капитана, состоял из роботов. Нечего и говорить, какое это имело значение для будущего космонавтики.

Из полёта Владимир Сибиряков не вернулся. Последняя радиодепеша от него пришла, когда «Всплеск» вошёл уже в зону Проксимы Центавра. К сожалению, космические помехи настолько исказили депешу, что расшифровать её почти не удалось. Ясно было только, что «Всплеск» попал в беду.

Горе профессора Сибирякова, потерявшего единственного сына, было неутешным. Но он нашёл в себе силу воли закончить Академию штурманов, а затем сумел убедить Совет Земли, и его назначили штурманом на «Каравеллу» – второй корабль землян, идущий на Аларди.

* * *

Кир изо всех своих могучих сил барахтался в необычайно вязкой ледяной жидкости, барахтался до тех пор, пока не понял, что это бессмысленно. Тогда робот затих и, втянув щупальца, принялся вспоминать и анализировать недавние события. Два переломленных щупальца сильно «ныли», и Кир выключил их. Возможность выключать боль – и не только у робота, но и у человека – это было одно из многочисленных изобретений профессора Алексея Николаевича Сибирякова. Идея Сибирякова была сразу же подхвачена медиками Солнечной системы. Сущность мысли профессора состояла в следующем. Что такое боль? Это крик повреждённого органа о неисправности, а значит – об угрозе. Скажем, человек поскользнулся и сломал ногу. Нервы ноги тотчас молниют об этом головному мозгу, молниют пронзительной болью.

– Хорошо, я слышу, – как бы отвечает безмолвно мозг, сейчас приму меры, прикажу телу ползти, позову на помощь людей!

Но нога не унимается, продолжает мучительно болеть. А ведь эта боль уже ни к чему, она сделала своё полезное дело, сообщив мозгу о сломанной кости, и теперь боль идёт уже только во вред, раздражая нервы и способствуя накоплению токсинов в организме. Следовательно, боль необходимо выключить. Но как? Людям к тому времени было известно множество методов обезболивания. Институту Сибирякова удалось получить новый биофактор – его назвали гермин, – который мог выключать боль в любом органе, причём длительность выключения определялась дозой гермина. Теперь гермин входил непременно в аптечный набор любой звёздной, да и не только звёздной, экспедиции. Там же, в Зелёном городке, был разработан вариант гермина для белковых роботов.

Избавившись от боли, Кир снова и снова пытался наладить свою рацию, но все попытки были тщетны. Хуже всего было то, что робот не мог даже определить, в чём состоит повреждение. А ведь в создавшихся условиях рация была едва ли не единственной надеждой Кира: только с её помощью он мог бы попытаться установить связь если не с «Каравеллой», то хотя бы с Энквеном.

Все произошло так неожиданно...

До гряды скал Кир и Энквен добрались быстро и без всяких приключений.

– Здесь столько информации, что на Земле её не соберёшь и за тысячу лет, – сказал Кир, усиленно вращая антенной.

– Только бы нам вернуться в целости, – заметил более осторожный Энквен (подобным качеством обладал и его человек-воспитатель там, в Зелёном городке).

Аларди почти не имела атмосферы, поэтому роботы вели разговор с помощью радиосигналов.

...По слегка всхолмлённой поверхности, чем-то напоминающей песчаную пустыню, которые когда-то были и на Земле, а теперь сохранились только в аравийском заповеднике, – по толстому слою оранжевой пыли, глубоко погружая выпущенные до отказа щупальца, быстро катились, изредка подпрыгивая, два массивных шара. Роботы могли включить реактивные двигатели, но капитан запретил делать это без крайней необходимости, опасаясь, что струя огня, вырывающаяся из дюз, может вызвать на поверхности Аларди взрыв или какую-нибудь другую непредвиденную реакцию.

Насторожённо молчало все вокруг, ни в ком не вызвали возмущения пришельцы из чужого мира. Кто знает, ступала ли когда-нибудь в эту бархатистую пыль нога живого существа?

Кир и Энквен приблизились к скалам. Перед ними возвышались суровые пики, лишённые малейших признаков органической жизни. Наибольшее недоумение вызвали у робо-

тов конические холмы безукоризненной геометрической формы. Сообразовавшись со всем, что он знал о горных породах, Кир решил, что перед ним какой-то неведомый кристалл, некий гигантский аналог пещерных сталактитов и сталагмитов. Но затем Кир включил рентгеновский аппарат. Невероятно! Вещество, из которого состояли конические холмы, оказалось непроницаемым для самых жёстких гамма-лучей. Ни Земля, ни вообще какая-нибудь из известных человеку планет не знали подобных веществ.

Подкатившись к одному из конусов, Энквен принялся устанавливать локальный детонатор – прибор, дающий возможность производить направленный взрыв большой силы.

– Зачем? – спросил у Энквена Кир, находившийся немного поодаль.

– Хочу взять на «Каравеллу» образчик породы, – нехотя ответил Энквен.

– Не надо! – бросился к нему Кир. Но было поздно. Беззвучно полыхнул у основания конического холма слепяще-белый взрыв. Но странно: ни малейшей трещины, ни самой малой вмятины не обозначилось на идеально гладкой светло-серой поверхности конуса. И вдруг... «Как во сне» – мелькнуло у Кира это заимствованное у человека сравнение. Что такое сон, Кир, естественно, не знал: он никогда не спал, и ему было незнакомо подобное состояние. Но Кир судил о сне по описаниям – он очень любил читать (черта, перенятая у человека-воспитателя) и все свободное время посвящал этому занятию. А читал он необычайно быстро и памятью обладал, как и его белковые братья, завидной. (Не памяти ли Кир был обязан тем, что в течение нескольких недель обучения стал чемпионом Зелёного городка по шахматам?)

Конический холм не спеша приподнялся над почвой и двинулся к опешившему роботу. Энквен рванулся в сторону, но на мгновение замешкался, зацепившись щупальцем за острый выступ скалы. Конус навис над роботом, а затем быстро опустился на него. Бросившийся на помощь Кир успел лишь заметить, что внутренность холма снизу была полая и пересекалась во всех направлениях каким-то подобием лиан различной толщины. Внезапно из вершины конуса ударил почти бесцветный луч, и необычайной силы излучение потрясло Кира. Достаточно было бы и тысячной доли такого излучения, чтобы убить человека: обычный космоскафандр не смог бы защитить его. Робот успел включить реадвигатель и, почти теряя способность к восприятию внешнего мира – то, что человек называет сознанием, – все же заметил, что поднялся вверх метров на двести. Один из конусов также взлетел и погнался за Киром. Тем временем Кир окончательно пришёл в себя. Выбора не было. Враг, значительно более быстрый, уже настигал его. Быстро рассчитав скорость и направление летящего за ним конуса, Кир хладнокровно прицелился и выпустил в противника метровую ракету, предназначенную для горных работ при высадке. Метровая торпеда стремительно скользнула навстречу преследователю, оставляя за собой фосфоресцирующий шлейф. Мгновенно из вершины конуса ударил луч все того же излучения. Ракета круто изменила траекторию и, пройдя в каких-нибудь трех метрах от конуса, умчалась в пространство, не причинив конусу никакого вреда.

В это время Кир заметил, что из каждого конического холма, оставшегося на поверхности Аларди, протянулся вверх узкий голубоватый луч, так что в итоге образовался круговой частокол, внутри которого находился робот наедине со своим врагом. Используя двигатель на полную мощность, Киру до сих пор кое-как удавалось избегать встречи с лучом смерти, исходящим из летающего холма. Но остальные лучи, образовавшие частокол, продолжали неотвратимо сближаться.

Тогда у Кира мгновенно возник план. Обмануть своего преследователя и попытаться уйти вверх со всей возможной скоростью. Это могло дать шансы на спасение, так как сила излучения – Кир знал это – резко падает с расстоянием. Робот решил пойти на хитрость. Он уменьшил собственную скорость, сведя её почти к нулю. Необходимо было усыпить бдительность врага. Киру стало ясно, что внутри конуса имеются и необычайно разви-

тый управляющий мозг, и чуткие и точные исполнительные органы. В момент, когда робот остановился, вдали беззвучно полыхнул взрыв и высоко вверх поднялся подсвечиваемый снизу грязно-белый гриб: это потерявшая управление ракета Кира врезалась в безжизненную поверхность Аларди. Ощувив далёкий взрыв, конус замер в нерешительности, очевидно, опасаясь какого-нибудь подвоха со стороны Кира. Но Кир, повиснув в пространстве, ничего не предпринимал. И конус – или разумное существо, находившееся в нём, – осмелел. Он стал медленно приближаться к Киру, очевидно, желая захватить его так же, как был захвачен Энквен. Луч смерти, исходящий из вершины, он выключил, чтобы не повредить трофей. Этого только и ожидал Кир! Робот успел заметить, что для включения луча нужно время. Доли секунды, – этого достаточно. Как только луч погас, Кир на полную мощность включил выхлоп... Красный столб газов вырвался из дюз со страшной силой, и Кир успел взлететь на добрый десяток километров. Но в последний момент два луча, идущих снизу, качнулись и скрестились на нём. Это были острые, как игла, лучи. Они начисто срезали дюзы, и координация движений у Кира расстроилась. Пролетев ещё немного по инерции, Кир замер в пространстве, а потом рухнул с высоты вниз.

«Сила тяжести на Аларди ничтожна по сравнению с земной», – это было последнее, что успел подумать Кир.

* * *

...Если бы житель Земли попал сюда, его прежде всего поразило бы то, что он, возможно, назвал бы трехмерностью мира алардиан. Именно трехмерным назвал бы он это удивительное царство, ибо привычный ему земной мир можно в известном смысле назвать двумерным: ввиду значительного земного тяготения вся жизнь человеческая в основном развивается в двумерном пространстве на шаровой, а точнее – на геоидной поверхности планеты. «Мы прикованы к Земле, как Прометей – к скале», – сказал какой-то древний поэт-землянин в минуту чёрной меланхолии. Конечно, с тех пор многое изменилось. Человек научился преодолевать земное притяжение с помощью космических ракет. Да и на самой Земле он побеждал тяжесть. Новые синтетические материалы длястроек делали архитектуру земных сооружений все более независимой от тяготения; с каждым годом все более смелые линии отмечали величественные сооружения Земли. Все это так. И всё-таки... Дома, нацеленные прозрачными куполами ввысь, упирались фундаментами в землю. Ажурные мосты, переброшенные через углублённые и выправленные русла рек, также упирались обоими концами в земную почву. Да и ходил человек не по воздуху, а по ней – по жёсткой, каменистой, или пыльной, горячей, или покрытой изумрудной ласкающей травой, или по залитой зеркально-гладким гудроном, – человек ходил по Земле.

В мире же, куда попал бы изумлённый землянин, сила притяжения планеты почти не ощущалась. И это, конечно, не могло не сказаться на жизни, расцветшей на одной стороне Аларди буйным цветом.

Подобно древнему спутнику Земли – Луне, которая обращена к Земле всё время одной стороной, вела себя и Аларди по отношению к своему солнцу – звезде Проксима Центавра. Впрочем, звезда была двойная, и Аларди обращалась вокруг общего центра тяжести. Часть поверхности, обращённая к багровому солнцу, была лишена признаков жизни: смертоносное излучение светила убивало здесь все живое. Существовать здесь могли только организмы, защищённые цистой – оболочкой, непроницаемой для вредного излучения. С подобными существами и столкнулись Кир и Энквен. Больше ничего живого на этой стороне планеты не было.

На другой же стороне маленькой планетки жизнь была ключом! Причём жизнь трехмерная. Фантастических форм сооружения свободно висели в пространстве, прикрепляясь к

почве лишь немногочисленными гибкими соединениями. Между ними беспорядочно шныряли существа, по форме напоминающие сферу с колеблющейся поверхностью. Передвигались они довольно быстро и как бы толчками. Вся поверхность тела алардиан была покрыта тонкой, но чрезвычайно прочной органической оболочкой. Каждое существо было снабжено пятью длинными и цепкими лапами-щупальцами. Эти организмы не знали слов и вообще звуков – они жили в мире полного безмолвия. Ведь Аларди не имела воздушной оболочки, способной передавать звуки. Существа общались друг с другом с помощью электромагнитных сигналов, возбуждаемых биотоками мозга и усиливаемых специальным органом.

...Зрение Кира постепенно приспосабливалось к новым условиям – нечто подобное не раз бывало на учениях в Зелёном городке, – вскоре робот стал кое-что разбирать. До того как Кира поместили сюда, в эту оболочку, наполненную вязкой жидкостью, он успел несколько минут понаблюдать картины жизни алардиан, необычайно остро врезавшиеся в его память. Когда он вернётся на Землю – Голубую планету, миллиарды людей увидят эти диковинные картины на экранах своих видеозоров, Кир воспроизведёт все, до мельчайшей детали. Но это при условии, что он возвратится на Землю...

Вскоре Кир различил, что оболочку, внутри которой он находится, цепко держат в лапах-щупальцах два существа неведомого Киру вида. Огромная информационная память робота не могла найти в своих упорядоченных недрах ничего, подобного этим существам. На планетах околосолнечного пространства таких существ не было.

Существа, державшие Кира, передвигались с большой скоростью, по расчётам Кира – километров восемьсот в час. Позади тял лёгкий фосфоресцирующий след от трудолюбиво пульсирующих двигателей.

«Двигатели, безусловно, искусственные, – решил Кир после продолжительного наблюдения. – Но как удачно сливаются они с живым организмом! Они как бы вмонтированы в тело, являясь его естественным продолжением».

Вскоре строения алардиан кончились, и глубоко внизу снова потянулась унылая равнина, озаряемая красноватым светом.

* * *

Энквена доставили в круглое помещение, здесь щупальца робота намертво прикрепили какими-то зажимами к полу.

Алардиане бороздили пространство во всех направлениях. Энквен жадно фиксировал все происходящее и пытался в нём разобраться. Он постепенно наловчился улавливать и различать электромагнитные сигналы, с помощью которых существа переговаривались друг с другом. Энквен даже стал уже различать отдельных алардиан, – сначала все они казались ему одинаковыми. Сигналы, которыми обменивались существа, чередовались с невероятной быстротой. «Вероятно, подобие азбуки Морзе», – решил Энквен, ум которого был склонен к поискам аналогий.

Проходили долгие часы, а все оставалось по-прежнему: все так же беспорядочно сновали алардиане, наполнявшие помещение. Одни влетали в многочисленные отверстия, другие, покругившись и, очевидно, сообщив что-то остальным, вылетали обратно. Третьи висели в пространстве неподвижно, приняв самые произвольные позы.

Но вот, видимо, получив какие-то сигналы, алардиане засуетились ещё сильнее. Несколько из них приблизились к Энквену и открепили его щупальца, а затем, накрепко обхватив его, поволокли прочь, поднявшись высоко вверх. Глубоко внизу Энквен видел диковинные конструкции, вибрирующие иглы, напоминающие шпили, и прозрачные полусферы, похожие на глыбы багрового льда. Наступала темнота, и купола ярко светились. На миг у Энквена возникло сильнейшее желание рвануться изо всех сил и бежать от своих

тюремщиков. Но тут же мозг подсказал ему, что в этом случае вероятность спасения равна нулю: слишком уж быстры были алардиане и слишком много их было вокруг.

После получасового полёта конвоиры Энквена замедлили скорость и наконец остановились перед сооружением, свободно парящим в пространстве. Сверкающие линии конструкций образовывали свободные спирали, разбегающиеся во все стороны. Пока алардиане совещались, Энквен успел сделать несколько снимков сооружения с разных точек, и его информационная память пополнилась ещё десятком уникальных кадров.

Втолкнув несопротивляющегося Энквена внутрь помещения, конвоиры закрепили его щупальца и удалились.

Робот огляделся. Зыбкий волнообразный свет неизвестного происхождения лился с окружающих плоскостей и выпуклостей. Внезапно в дальнем люке, ведущем в туннель, Энквен уловил какое-то движение. Робот мгновенно пришёл в состояние боевой готовности и изо всех сил напрягся, чтобы вырваться, но тщетно. В этот миг Энквен пожалел, что не сделал раньше попытки убежать. Между тем вылезшее из люка существо медленно приблизилось к Энквену. От других алардиан оно отличалось несколько большими размерами, а также тем, что поверхность его тела, как и стены помещения, светилась мерцающим фиолетовым светом.

Энквен почувствовал, что алардианин обращается к нему. Микроантенны робота отчаянно заматались, улавливая сигналы.

Вскоре Энквен стал различать в сигналах алардианина определённый порядок, но найти в них какой бы то ни было смысл ему никак не удавалось.

Через некоторое время, убедившись в том, что Энквен не питает к нему никаких враждебных намерений, алардианин освободил щупальца робота, затем слегка подтолкнул его. Энквен сделал несколько шагов.

Неожиданно алардианин с силой толкнул Энквена к противоположной стене, так что робот еле удержал равновесие. Энквен уже приготовился было подороже продать свою жизнь и вцепиться в алардианина, но в этот момент огромная, слегка вогнутая стена, возле которой он находился, неожиданно вспыхнула и засветилась нежным розовым светом. «Экран», – догадался Энквен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.